

вы хмурыць традыцыя — / Зайцам хоча стаць леў / І зайчыхаю — львіца; / Сохнуць па вераб'ю / *Салайхі*-паклонніцы (М. Рудкоўскі).

У садзе летнім вечарком / Матыль сустрэўся з Чарвяком / (Ці можа *матыліха*) / І наракаць пачаў на лёс: / Куды не сунеш нос, / Усюды хларэфос (К. Крапіва). І Вераб'я Кот праглынуў з касцямі. / ...А *Вераб'іха* тая / Усё чакае (Эд. Валасевіч).

Па аналогіі са словамі *гераіня, багіня, княгіня, графіня* і інш. утворан назоўнік *варагіня*, які сустракаецца ў творчасці Д. Бічэль-Загнетавай: Толькі не праспі ты, / ноч-апоўнач, / крокі ворагаў і *варагінь*.

Такім чынам, сярод новых лексічных адзінак, што выкарыстоўваюцца ў беларускай мастацкай літаратуры, значнае месца займаюць патэнцыйналыя словы, якія ствараюцца ў пераважнай большасці па высокапрадуктыўных словаўтваральных мадэлях мовы і з'яўляюцца адной з жывых крыніц узбагачэння ўласна беларускай лексікі.

¹ Слюсарева Н. А. Методологический аспект понятия функций языка // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1979. Т. 38. № 2. С. 136.

² Лыков А. Г. Заметки об окказиональных и потенциальных словах // Вопросы современного русского языка. Краснодар, 1968. С. 6.

³ Хохлачева В. Н. Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1962. Т. 4. С. 168.

⁴ Лопатин В. В. Рождение слова. М., 1973. С. 71.

⁵ Гл.: Шакун Л. М. Словаўтварэнне. Мінск, 1978. С. 106.

⁶ Гл.: Земская А. Е. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 225—226.

⁷ Там жа. С. 238.

⁸ Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. М., 1972. С. 246.

⁹ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 305.

¹⁰ Лопатин В. В. Рождение слова. С. 68—69.

¹¹ Гл.: Глуначальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці тамах, 6-ці кнігах. Мінск, 1978—1984.

¹² Винокур Г. Маяковский — новатор языка. М., 1943. С. 15.

Л. И. СМОЛЬСКАЯ

НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦ В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

(К вопросу о категории рода)

Обозначения людей в подавляющем большинстве имеют парные соответствия: род таких существительных соответствует полу лица, о котором идет речь. Незначительная часть соотносительных существительных мужского и женского рода различается лексически — разными основами (ср.: русск. *мужчина* — *женщина*, *парень* — *девушка*, *брат* — *сестра* — белор. *мужчына* — *жанчына*, *хлопец* — *дзяўчына*, *брат* — *сястра* и под.). Большинство же существительных, находящихся в подобных отношениях, при обозначении людей имеют один корень и различаются только лексически, образующими их основу аффиксами и родовой формой слова (ср.: русск. *колхозник* — *колхозница*, *беспризорник* — *беспризорница*, *беженец* — *беженка*, *докладчик* — *докладчица*, *банщик* — *банщица*, *купец* — *купчиха* — белор. *калгаснік* — *калгасніца*, *беспрытульнік* — *беспрытульніца*, *бежанец* — *бежанка*, *дакладчык* — *дакладчыца*, *лазенічык* — *лазенічыца*, *купец* — *купчыха*).

Соотносительность существительных, называющих лицо, двоякая: семантическая и формально-грамматическая¹. Семантическая соотносительность таких существительных состоит в том, что они объединяются общим значением лица, названного по определенному, одному и тому же признаку или отношению, и в то же время отличаются обозначением лиц разного пола. Формально-грамматическая соотносительность выражается в наличии одинаковых морфологических частей (корня, а иногда

суффиксов и префиксов) и в то же время в различии словообразовательных и формообразовательных аффиксов, характерных только для того или другого слова. Например, русск. *у-рож-ен-ец* и *у-рож-ен-к-а*, *пис-а-тель* и *пис-а-тель-ниц-а*, *гастрол-ер* и *гастрол-ер-ш-а* — белор. *у-радж-эн-ец* и *у-радж-эн-к-а*, *пісь-м-енн-ік* и *пісь-м-енн-іц-а*, *гастрал-ёр* и *гастрал-ёр-к-а*.

Среди имен существительных женского рода выделяются суффиксы, парные соответствующим суффиксам мужского рода. Основными средствами выражения формальной отнесенности женских личных номинаций служат фемининные аффиксы: русск. *-ниц(а)*, *-иц(а)*, *-к(а)*, *-чиц(а)*, *щиц(а)*, *-чих(а)* — белор. *-ніц-(а)*, *-іц(а)*, *-к(а)*, *-чыц(а)*, *-шчыц(а)*, *-чых(а)*.

Существительные с суффиксом *-ниц(а)* — *ніц(а)*, имеющие модификационное значение лица женского пола, образуются в русском языке от основы существительных — названий лица мужского пола с суффиксом *-тель(-итель)*; ср.: *изобретатель* — *изобретательница*, *учитель* — *учительница*, *обладатель* — *обладательница*. В белорусском языке соответствующие существительные женского рода образуются не от названий лиц мужского рода, а имеют с ними общую словообразовательную основу; ср.: *вынаходнік* и *вынаходніца*, *настаўнік* и *настаўніца*, *уладальнік* и *уладальніца*.

Общую словообразовательную основу с номинациями мужского рода имеют и образования с суффиксом *-ух(а)* в белорусском языке: *гаварун* — *гаваруха*, *крыкун* — *крыкуха*, *бягун* — *бягуха*, *свістун* — *свістуха*, *скакун* — *скакуха*. В русском языке соответствующие имена существительные женского рода образуются от названий лиц мужского пола при посредстве суффикса *-j(а)*; при этом происходит смягчение конечного согласного производящей основы: *говорун* — *говорунья*, *крикун* — *крикунья*, *бегун* — *бегунья*, *свистун* — *свистунья*, *скакун* — *скакунья*.

Формы женского рода, которые функционируют в современном русском и белорусском языках с различной степенью продуктивности, имеют три значения: 1) названия женских профессий, соотносительных с мужскими (русск. *акробатка* — белор. *акрабатка*, русск. *спортсменка* — белор. *спартсменка*); 2) обозначения жены по должности или положению мужа (русск. *адмиральша* — белор. *адміраліха*, русск. *офицерша* — белор. *афіцэрыха*); 3) слова, совмещающие оба значения (русск. *операторша* — белор. *аператарка*, русск. *лесничиха* — белор. *леснічыха*). Слова женского рода второй и третьей групп употребляются с разными оценочными значениями — отрицательными и положительными или нейтральными. Например: *Простуженная библиотекариша* сошла с огороженного возвышения и направилась к окнам (Б. Пастернак). Он, в избытке откровенности, сказал, что университетом управляет не ректор, а *ректорша* (Лажечников). Вінцусь ураз пазнаў у жанчыне *доктарку*, што лечыць яго Зоську (Арабей). А *пісарыха*, пачуўшы, што яна не адна ў доме, трохі асмьялела і пачала жаліцца і праклінаць мужа (Колас).

Суффикс *-ш(а)* в существительных женского рода, называющих лицо, присоединенный к соответствующим основам, придавал значение наименования жены чиновника или представителя какой-нибудь профессии. Развитие вторичного значения 'лицо женского пола, называемое по профессии, роду деятельности' — процесс длительный и связанный теснейшим образом с развитием трудовой деятельности женщины. Слов с суффиксом *-ш(а)*, называющих женщину только по роду занятий, немало: русск. *маникюрша* — белор. *манікюрша*, русск. *педикюрша* — белор. *педыкюрша*, русск. *кастеляниша* — белор. *кастэлянша*, русск. *гейша* — белор. *гейша*. Другие номинации с этим аффиксом (русск. *билетерша*, *кондукторша*, *кассириша* — белор. *білецёрка*, *кандуктарка*, *касірка*) в словарях современного русского языка даются с пометой «разговорное», «просторечное», а в словарях современного белорусского языка эти и другие слова с суффиксом *-к(а)* — с пометой «разговорное».

В письменной речи, в деловых документах, публицистике, научной литературе, отчасти в разговорной речи заметна тенденция к более широкому использованию существительных мужского рода для названия женщин (например, русск. *агент, библиотекарь, кондитер* — белор. *агент, бібліятэкар, кандытар*). На этом основании некоторые исследователи дают иное толкование этому явлению, объединяя слова подобного типа со словами общего рода ².

Вслед за Н. А. Янко-Триницкой мы считаем, что такое отождествление слов мужского рода, называющих женщину, со словами общего рода неправомерно, поскольку сходство между ними весьма поверхностно, оно основывается только на семантической стороне — возможности называть ими мужчину и женщину. Грамматически они отличаются друг от друга ³. Основное различие этих существительных состоит в том, что слова общего рода, именно потому, что они общего рода, не имеют коррелятов женского или мужского рода. У существительных же мужского рода такие корреляты возможны. Слова мужского рода могут иметь при себе глагол как в форме мужского, так и в форме женского рода при назывании женщины, т. е. родовая форма глагола может зависеть как от пола лица (*автор высказала* — *аўтар выказала*), так и от рода существительного (*автор высказал* — *аўтар выкажай* — о женщине). При словах общего рода родовая форма всецело определяется полом лица. Например: «Умываться ушли! Один ты дрыхнешь *лежебока*. Вставай». (Проскурин). А вось гэты тлусты пан, відаць, вялікі *абжора*. (Мележ).

В использовании этих форм практически не наблюдается различий между русским и белорусским языками. Процесс их развития определен общими экстралингвистическими факторами, и, вероятно, можно говорить о том, что это одно из общих функциональных явлений родственных языков, переживаемое в советскую эпоху.

Если соотносительные названия в русском языке составляют одну четвертую часть ⁴, значит, наряду со словами, оказавшимися вовлеченными в процесс родовой дифференциации, есть существительные, которые по отношению к женщине употребляются в форме мужского рода. Это преимущественно названия должностей, профессий, званий типа русск. *прокурор, профессор, посол, хирург, философ, академик* — белор. *пракурор, прафесар, пасол, хірург, філосаф, акадэмік* и др.

Соотносительные формы женского рода имеются далеко не у всех существительных мужского рода, называющих лицо. Отсутствие соотносительных названий лиц объясняется наличием выработавшихся устойчивых словообразовательных типов, тесно связанных с определенными лексико-семантическими разрядами слов: принимаются во внимание особенности отдельных слов и их форм, учитывается обобщающая функция слов мужского рода как обозначения лиц вообще. Отсюда «гораздо больший интеллектуальный вес и семантический объем» слов мужского рода ⁵, возможность использования их применительно к женщине. Слова мужского рода, называющие лицо, выражают прежде всего общее понятие о человеке. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет указания на половую дифференциацию.

Суффиксальные образования женского рода указывают на большее соответствие грамматического рода естественному полу, чем это имеет место при согласовании слова мужского рода с определением и сказуемым-глаголом прошедшего времени женского рода. В таких сочетаниях пол лица указывается синтаксически: русск. *врач посоветовала* — белор. *урач параіла*, русск. *филолог выступила* — белор. *філолаг выступіла*.

Несмотря на единство основного состава словообразовательных средств, унаследованных из праславянской эпохи, русский и белорусский языки в процессе их развития создали широкий круг специфических особенностей, которые отражаются прежде всего в функционировании этих словообразовательных средств. Нетождества сводятся к различию в продуктивности и регулярности моделей образования.

Так, в рассмотренных нами существительных русскому имени женского рода с суффиксом *-ш(а)* соответствует две номинации с двумя различными суффиксами *-к(а)* и *-их(а)* (*-ых-а*) в белорусском языке. Ср.: русск. *сенаторша* — белор. *сенатарка, сенатарыха*, русск. *секретарша* — белор. *сакратарка, сакратарыха*, русск. *бухгалтер* — белор. *бухгалтарка, бухгалтарыха*, русск. *аграномша* — белор. *агрономка, агрономиха* и др. Образования с *-к(а)* в белорусском языке имеют значение 'лицо женского пола, называемое по роду занятий, деятельности', а существительные с *-их(а)* (*-ых-а*) ярко отражают значение 'жена того, кто назван образующим словом'. Например: русск. *комендантша* — белор. *камендантка* 'женщина-комендант', *каменданціха* 'жена коменданта'; русск. *лекторша* — белор. *лектарка* 'женщина-лектор', *лектарыха* 'жена лектора'; русск. *директорша* — белор. *дырэктарка* 'женщина-директор', *дырэктарыха* 'жена директора'. Русские существительные совмещают оба эти значения, т. е. семантически они более емкие, чем белорусские. Однако в белорусском языке имеются отдельные случаи, когда существительное женского рода называет либо жену по мужу, либо женщину по роду занятий, деятельности, а русская номинация совмещает оба значения. Например: русск. *фабрикантша* 'женск. к фабрикант', 'жена фабриканта' — белор. *фабрыканціха* 'жена фабриканта'; русск. *регистраторша* 'женск. к регистратор', 'жена регистратора' — белор. *рэгістратарка* 'женск. к регистратор'; русск. *скульпторша* 'женск. к скульптор', 'жена скульптора' — белор. *скульптарка* 'женск. к скульптор'. Данные примеры также подтверждают семантическую емкость русских существительных женского рода.

Слова с суффиксом *-их(а)*, обозначающие женщин по профессии и жену по мужу, в русском языке немногочисленны, например: *старостиha, мельничиха, купчиха, пловчиха* и некоторые другие. Однако, если мы можем сказать о женщине *дворничиха* и даже *дворник*, то никогда *Она портной*, а только *Она портниха*. Это можно объяснить тем, вероятно, что слово *портной* является субстантивированным прилагательным. Как прилагательное это слово чаще употребляется в форме мужского рода и в сочетании *портной мастер* (из древнерусского выражения *пъртный швьвьць*)⁶. В белорусском языке этим словам соответствуют существительные *старасціха, мельнічыха, купчыха, крайчыха, дворнічыха*.

Существенных различий между русским и белорусским языками в выражении рода существительных, называющих лицо, нет. В учебных курсах обычно указывается на то, что у имен существительных имеются формальные родовые признаки (морфемы) — окончания и суффиксы. Это доказывается строгим разграничением окончаний и большинства суффиксов по родам. Однако суффиксы как непосредственные показатели рода выступают значительно реже.

Совпадая по основному значению, словообразовательные форманты рассматриваемых русско-белорусских соответствий имеют различную продуктивность. Белорусский язык отличается продуктивностью моделей на *-к(а)*, *-их(а)* при назывании лиц женского пола. В русском языке соответственно шире используется формант *-ш(а)*.

Из двух понятий — лицо и пол — в названиях лиц доминантой является понятие лица, половые различия присущи не только человеку, тогда как лицо — понятие исключительно человеческое и вне понятия «человек» оно не существует. Указание на пол лица выполняет роль «семантической надбавки» (термин О. Г. Ревзиной), но не меняет основного содержания существительного. Как правило, общее представление о лице дают существительные в форме мужского рода, ибо женское соответствующие мужскому роду всегда указывает на пол.

¹ См.: Моисеев А. И. Способы дифференциации личных существительных мужского и женского рода // Уч. зап. Ленинградского ун-та. Сер. филол. наук. № 302. 1962. Вып. 61. С. 27.

² См.: Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Па-

мяти академика Н. Я. Марра. М., 1938; Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 179.

³ См.: Янко-Троицкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными мужского рода // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 205.

⁴ См.: Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. М., 1984. С. 153.

⁵ См.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 65.

⁶ См.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

В. Ф. ВАРИВОНЧИК

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ АДЪЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Речемыслительная деятельность начинается с «социально обусловленного по своему характеру расчленения целостного содержания речевого замысла на ряд абстракций и наложения на его содержание формальнологических и семантических форм с помощью языковых средств»¹. Языковым выражением одного из таких фрагментов является атрибутивное словосочетание.

Отнесенность прилагательных к разряду предикатных имен позволяет утверждать наличие у словосочетания $A+N$ пропозициональной функции. С семантической точки зрения пропозиция трактуется как семантическая структура, «объединяющая денотативное и сигнификативное значения, из которых последнему принадлежит центральная позиция»². Прилагательные как предикатные имена призваны характеризовать объекты реальной действительности, т. е. они обозначают признаки, выделяемые только у определенного числа объектов реальной действительности. Подчеркивая решающую роль имен-носителей признаков, А. А. Уфимцева отмечает: «Без восполнения предикатного слова семантикой предметных имен невозможно опознать первые, так как они не «добирают» необходимого количества основных примет, чтобы быть содержательно идентифицированными в речи»³.

Любой признак может быть представлен в виде пропозициональной функции « X есть strong», где переменная X будет отражать все многообразие реальных предметов, которым приписывается данный признак. В пропозиции переменным компонентом может выступать как аргумент, так и предикат, т. е. как признак, так и субстанция.

Грамматическая предикация не имеет непосредственной отнесенности к объективной действительности, и глубинным, исходным уровнем семантической структуры является реляционный уровень, соответствующий логической схеме «предикат-аргумент». В атрибутивном словосочетании реляционная структура в большинстве случаев остается предикационно нерасчлененной, поскольку она не служит основой для построения предложения⁴. Наличие единой реляционной структуры, соответствующей отношениям между субстанцией и признаком, подтверждается и тесным взаимодействием между атрибутивными и предикативными синтаксическими отношениями, которые взаимообратимы.

Для пропозициональной функции характерно наличие отношений взаимообусловленности между экстенсионалом, интенсионалом и значением функции. Интенционал есть совокупность семантических признаков, а экстенционал — совокупность реальных предметов, определяемых данной совокупностью признаков. Выходом функции будет соответствующий экстенционал только тогда, когда выполнены все условия, от которых он может зависеть. Отмеченное отношение есть не что иное, как связь между аргументами и предикатами. Предикат указывает, каким свойством должен обладать аргумент, чтобы получилось истинное утверждение.

Атрибутивное словосочетание можно трактовать двояко в зависимости от характера связи между признаком и субстанцией, т. е. исходя из типа пропозиции. Когда признак, выражаемый прилагательным, со-